

«УПРАВЛЯЕМАЯ» ДЕМОКРАТИЯ, ИЛИ ПРОСТО — ОПЫТНАЯ?

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Россию принято описывать исходя из того, чего в ней нет. Причем иные дефекты объявляются неустранимыми и ей «присущими», культурно или исторически. Но что именно столь дефектно — какая структура? Этот вопрос не задается, а дефектность относят на счет того или иного вмешательства — внутреннего, со стороны управляющих страной, либо внешне-

го. Здесь проявляет себя миф тотальной управляемости русской политики, предполагающий ее тотальную искусственность, даже поддельность. Большинство аналитиков сходятся на гипотезе о «факторе X» — любой процесс в России симитирован, а за ним кроется неизвестно кто. Фактор X — это а) Кремль или б) слабость Кремля. Иными словами, все процессы в России управляемы в прямом или в негативном смысле (не удалось помешать, не сумели скрыть). Понятие «управляемой демократии» появилось именно отсюда.

Гипотеза о ценности опыта

Мой тезис трояк:

Во-первых, управляемость видят там, где ее нет. А есть, напро-

тив, нехватка хорошего руководства — дефицит, компенсируемый «ручным управлением». Там, где Россия определена как управляемая злой волей, там она слабоуправляема и с трудом удерживается на пределе стабильности, если не выживания как такового.

Во-вторых, проблемой понимания новой России является не столько «природа политического режима», сколько новый политический человек России и его опыт — биографический и политический. Рассматривать «ценности общества» отдельно от тех, в ком концентрировался этот опыт бесполезно. Еще более бесплодно пытаться *игнорировать этого нового человека — причем как раз в момент, когда он занят организацией собственной власти.*

В-третьих — важным трендом политики был и остается поиск универсальных оснований политики новой России — государства возникшего внезапно, почти впопыхах. Все правительства России, начиная от горбачевского, искали баланс между местным и глобальным. Все они стремились утвердить институ-

лирует газеты 1990-х, удивится, не обнаружив ни обсуждения программ политики, ни ее угроз. В них не обсуждался приобретаемый опыт, не было критики идей, высказываемых разными людьми — зато уничтожающе критиковались сами люди. Не обсуждался реальный уровень влияния олигархов на экономику, реальный демонтаж низовой инфраструктуры гражданского общества в начале 1990-х, технология и последствия вторжения криминальных сил в правоохранительные структуры и бизнес.

Десятилетиями реальный политический опыт не находит места для обсуждения. Нет и обсуждения РФ как нового государства, никогда ранее не существовавшего на этой земле. Новизна России не обсуждается сразу в двух контекстах — как новизна государства русских, созданного на базе демократической европейской концепции права впервые в истории — и выход в глобальную мировую систему государства, новизна государства «неуместного» в реальной, т. е. модернизированной ялтинской системе.

Управляемость видят там, где ее нет. А есть, напротив, нехватка хорошего руководства — дефицит, компенсируемый «ручным управлением»

ты на прочных, универсальных основаниях.

«Скрытые параметры» российской повестки

В России существует явление скрытой повестки, камуфлируемой идеологической повесткой публицистики — обычно никак не связанной с реальными политическими действиями игроков. Многие темы именно поэтому остаются устойчиво необсуждаемыми, под спудом. Тот, кто про-

Россия — новая страна

Россия — новая страна. Впервые идея суверенного российского государства в данных границах была высказана публично двадцать лет назад, летом 1989 года, — и уже летом 1090 года была осуществлена. Российская Федерация состоялась в 1990—91 годах наподобие безответственного физического эксперимента: решение найдено — неясно только, решение какой проблемы? Ясно, что де-

мократия не была этой проблемой.

Российская нация — никогда прежде не существовала. Для России—1991 поэтому была исключена национальная (национально-демократическая) легитимация по модели стран Восточной Европы. **Суверенная демократическая Россия не возникла как национальная республика.** Это исключалось и ролью страны-продолжателя СССР, и страны-правопреемника: советского стратегического потенциала и советского суверенного долга одновременно. Одно это частное историческое обстоятельство, лишенное нормативного смысла, породило ряд последствий, которые в конце концов сложились в российскую систему.

Новая Российская Федерация двинулась в большое приключение без ясной цели, зато она начала приобретать некий опыт. Это был экспромт, осуществляемый опытным путем, людьми, которые были готовы действовать в неопределенной ситуации. Исходные представления этих людей о себе, о необходимой стране политике, их ценности никогда не были подвергнуты критике. Никем не обсуждалось, как структура частной собственности, демократические общественные институты и все прочее будут спроецированы на новое государство колоссальных размеров, причем государство без ясной легитимности.

Приоритет путинской политики

В обсуждении политики Путина и того, что именуют «путинизмом», обычно используются рационалистические либо низменные трактовки. Но приоритетом программы «Покончить с девяностыми!» стало — еще до прихода Путина в Кремль — сохранение конституционной, политической и территориальной идентичности России. Именно так формулировалась целевая программа последнего президентства Ельцина, именно так задача ставилась перед последними для Ельцина выборами 1999–2000 годов. Этот приори-

тет Путин наследовал и воспринял в безапелляционной форме.

Главный вызов к концу 1990-х годов, исходя из собственного опыта, виделся не в слабой управляемости, а в дефиците консенсуса относительно России. В расколоте обществе ни одно решение не получало поддержки большинства в течение десяти лет. Это «неконсенсуальность России» выражалась даже в конституциях большинства регионов, содержащих положение о суверенитете, правах на внешнюю политику и иногда даже оборону.

Приоритет команды Путина — нормализация единой России. Отсюда мышление Россией как национальным целым, отсюда и слабая восприимчивость, даже недоверие к альтернативам, включая электоральные.

Переформатирование выборов

Выборы в России отличались от стран Европы привычкой избирателя к революционным переменам во всех областях жизни. От выборов избиратели новой России привыкли ждать «электоральной революции», одновременно опасаясь ее последствий для себя лично. Потому что возник спрос на тотальные выборы и тотального массового избирателя. Начиная с 1989 года, все без исключения общенациональные выборы

(1989, 1990–91, 1993, 1995–96, 1999–2000) были либо попытками — иногда успешными! — захвата власти, либо противодействия — иногда успешного, иногда нет — такому захвату. Путин публично, еще до первых его президентских выборов объявил о намерении разорвать цепь электоральных революций, превратив федеральные выборы в рутинный и предсказуемый процесс. В основе его решения было определенное намерение устранить из выборов привкус игры с нулевой суммой, когда «победитель получает всё». Это означало замораживание всех форм популистской политики, включая легальные ее формы.

Боязнь политики масс

Здесь важно отграничить тему от деклараций о «страхе перед вечно опасной массой». **Скрытый параметр политики Путина — реальность разрушенной гражданской среды оставленной Девяностыми.** Обвалившееся вместе с советской системой и моментально деградировавшее гражданское общество оставило уничтоженный гражданский народ. Здесь можно назвать три индекса: 1) взрывной рост смертности в первой половине 1990-х годов, 2) взрывной же рост числа заключенных после победы демократии (в некоторые годы 1990-х прирост состав-

лял 50–70 процентов в год!) и 3) закрытие и ликвидация большинства (тысяч!) изданий НПО в начале 1990-х годов.

Недоверие к новому нелиберальному большинству было законным, и оно создавало трудность для реализации любой либеральной программы в России. Разве не массы поддерживали коммунистический строй? И разве не те же массы так легкомысленно и некомпетентно его сокрушили (не потребовав и не получив никаких гарантий права и благосостояния для себя?) Подтекстом политики Девяностых стало вытеснение криптооталитарных масс из политики. Оно настолько входило в либеральный консенсус девяностых, что влияло даже на левые круги.

Так сформировалась презумпция: никакая конституционная власть в России не должна более зависеть от актов случайной воли массы граждан. Политика должна — тем или другим способом — ограничивать доступ населения страны к игре со страной до тех пор, пока общество не выработает должный опыт самоограничения. Консенсус единства России становился презумпцией исполнения любой формальной процедуры.

Проблема толпы, или «Анти-Тяньаньмынь»

Антипопулистская политика Путина решала — и решила — задачу устранения массы населения от нигилистической активности. Скрытое табу Путина звучит примерно так: «Начнешь репрессии — уже не остановишься». Есть прямая связь путинской нерепрессивности с путинским же антипопулизмом (те же линии выражены и в нашем правящем классе). **Режим боится толпы именно потому, что не намерен в нее стрелять**, как стреляли Хрущев, Горбачев и Ельцин. Поэтому он «запрещает массы», либо создает субституты масс (типа молодежных движений). Но в основе этого — также определенный политический опыт, опыт позитивный, но критически не проработанный. Я бы назвал это «комплекс анти-Тянь-

аньмынь» — он произведен от печального опыта хрущевских и, особенно, горбачевских расстрелов 1989–91 годов. Не всегда умеющий управлять массой, при каждом ее выходе наружу режим оказывается временно парализован, — это его слабое место.

Лидерство

Что собственно обычно именуют «управляемостью» российской демократии? Неформальность обращения с формально легальными процедурами. Но это и есть свойство лидерской модели, впервые внедренной Горбачевым — сознательно, с целью обойти сопротивление институтов.

С первых лет Перестройки Михаила Горбачева моделью организации публичной политики становится *лидерская модель*. Чем отличается роль российского президента от известной модели лидерства, соединяющей публичность, коммуникативность и привлекательность идей для максимально широкой аудитории? Ничем. М. Горбачев и Б. Ельцин вводили в политическую жизнь *модель лидерства в обход институтов*; Путин получил ее на руки уже в состоявшемся виде. Президент в Кремле исполнял полномочия, пока

магистратурам, а не лицу. Можно назвать это общественным договором о существовании, безопасности и единстве страны.

Доверие к личности далее поэтапно распространялось на команду, и далее — через партию «Единая Россия» — на *массовую властвующую среду*. Эта среда часто именуется «путинским большинством», поскольку все опросы и выборы подтверждали ее политическое преимущество. Разрыв между властью и ее группой поддержки резко сократился.

Лидерская модель сохраняется и в форме тандема, как преимущество политического опыта, доказываемое публично — прежде всего на выборах.

Монополизм опыта

Перед нами весьма креативный механизм. Его приоритет — построение неразрушимой России. Он умеет создавать новые политические реальности, что ценится в новой мировой игре. Не всегда этот механизм правильно программируется. Лидерски программируемая политика — меритократический комплекс — тандем Медведев–Путин правит страной именем опыта. Опыт и является стратегическим преимуществом команды, ис-

Любой публичной политике предпослан консенсус неразрушения России, в рамках которого должен вестись спор

их легитимность обеспечивало его лидерство. Теряя лидерство, он не мог добиться повиновения даже внутри аппарата — подобно Горбачеву в 1989–91 годах и Ельцину в 1997–99 годах.

Путин использовал лидерскую модель, дополнив ее механизмами непрерывного — и публично — испытания доверия. Он сделал вопрос о доверии к себе *как президенту* — центральным, постоянным вопросом внутренней политики, и неоднократно выносил его на голосование. Режим который он создавал, должен был стать *режимом доверия государству*, конституционным

точником питания правящей среды. В космической индустрии России есть понятие ЦУП — центр управления полетами. Представим себе «Центр управления политикой» — тоже ЦУП. Путинский «ЦУП» возник, действует, и сегодня идет реальная — жестокая борьба за его программирование.

Это не отказ от демократической культуры. Но любой публичной политике предпослан *консенсус неразрушения России*, в рамках которого должен вестись спор. Никакая политическая теория, которая не ставит в центр вопрос о разрушимости нации —

намеренной либо случайной, — не имеет силы для политического класса России. Его опыт приобретался, и не подвергаясь критическому анализу, накапливался в определенных группах правящего класса — в качестве личного умения, интуиции и импровизированных решений. Таким образом группы-носители политического опыта (в России их часто именуют «элитами» или «политическим классом») его монополизировали. Необсужденный и не подвергаемый критике, опыт остается личным преимуществом и неформальным политическим ресурсом касты, видящей себя «меритократией». Эти монополисты опыта приобретают уникальное преимущество, зато становятся зависимыми от своих неартикулированных и зачастую непубличных знаний.

Россия нуждалась в критике политического опыта, но именно его, а не чего-то другого. Для этого нужно сознаться в своем опыте. Запрет на повторное (само) уничтожение нации — табу на революцию, табу на «перестройку» — важнейший мотив и движущая проблема нашей государственной и политической мысли. Особенность нашего общественного опыта в том, что государство неоднократно было разрушено либо его пытались тотально уничтожить извне. Недопущение чего-то подобного впредь является центральным пунктом русского политического размышления.

Долгие годы мы доказывали скорей теорему существования России, чем искали способ хорошего управления ею. Эта стратегия достигла цели: граждан отучили от популистского самовыражения. Эпоха Медведева — переход к расширению секторов публичной политики. От эксклюзивной «политики опыта» надо переходить к политике, включающей иной опыт — опыт меньшинств. К политике, работающей с малыми группами, претендующими на политическую альтернативу. Это трудная задача, но это, опять же, рациональная задача. ■

НА ПУТИ К ВЕЗЕНИЮ

АЛЕКСЕЙ ЧЕСНАКОВ — кандидат политических наук, директор Центра политической конъюнктуры

Несмотря на прогнозы и некоторые ожидания, что после прихода Д. Медведева на президентский пост Россию ждет тотальная «политическая оттепель», либерализации режима и возвращения к «западническому» курсу времен Б. Ельцина не произошло. Власть сохранила стабильность. Преемственности курса способствовал целый ряд обстоятельств (устойчивость сложившейся модели государственного управления, гибкий политический курс власти, наличие политической воли, внутриэлитный консенсус, отсутствие массового социального запроса на политические перемены и др.).

Для сохранения устойчивости на переходный период внутри элиты был заключен ряд «стабилизирующих» политических и социальных неформальных «пактов».

Несмотря на неоднократные заверения членов «тандема», что между ними существует полное понимание, еще в ходе избирательной кампании в *политическом дискурсе довольно остро обозначилась проблема формирования «двух центров власти»*, которая, как оказалось потом, в ряде случаев была излишне драматизирована. Из этого дискурса возникла тема неизбежности политической «оттепели», которую актуализировали некоторые представители разномастных и неявно структурированных либеральных и охранительных группировок, претендующие на членство в новых «командах» Д. Медведева и В. Путина. В понимании «либералов», «оттепель» была удобным способом выторговать себе у Д. Медведева часть неформальных полномо-

чий Президента, сконцентрированных ранее у главы государства В. Путиным. В итоге идеология «оттепели» вместо выполнения необходимой априори (в связи со сменой главы государства) задачи показа преемственности и одновременно обновления курса В. Путина, превратилась сначала в альтернативу ему, а затем в прямую угрозу его почти полной ревизии. В этой ситуации власть предпочла действовать постепенно, без резких отповедей и тем более каких-либо излишних показательных действий.

Политическая и персональная конструкция «тандема» постепенно обеспечила гармонизацию взаимоотношений между главой государства и главой исполнительной власти. Д. Медведев и В. Путин медленно, с определенными издержками, нащупали и зафиксировали новый баланс полномочий между институтами Президента и Правительства. По мере «укоренения» в должности Президента Д. Медведев все меньше стал заниматься социальной политикой, экономикой (естественно, с поправкой на кризис, поскольку оставаться в стороне от реализации антикризисной стратегии первое лицо государства не может), и все больше — внешней политикой. В. Путин в основном сосредоточился на экономической и социальной политике, противодействии кризису, но временами подтверждал свое влияние и в среде силовиков. Такое разделение сильно отличается от времен второго путинского срока, когда все основные реальные решения как в политике, так в социальной сфере и экономике принимались Президентом. ■